

Лана Петровских

Пятна Роршаха

Люся и Лотанов

Лана Петровских Пятна Роршаха. Люся и Потапов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275789

ISBN 9785449619471

Аннотация

С вами рядом притворщик, не умеющий сопереживать вашим проблемам. Кто он – черствый человек или психопат? Где тонкая грань между нормой и патологией? Кто подскажет? Прочитанное нашепчет ответ на волнующий вопрос.

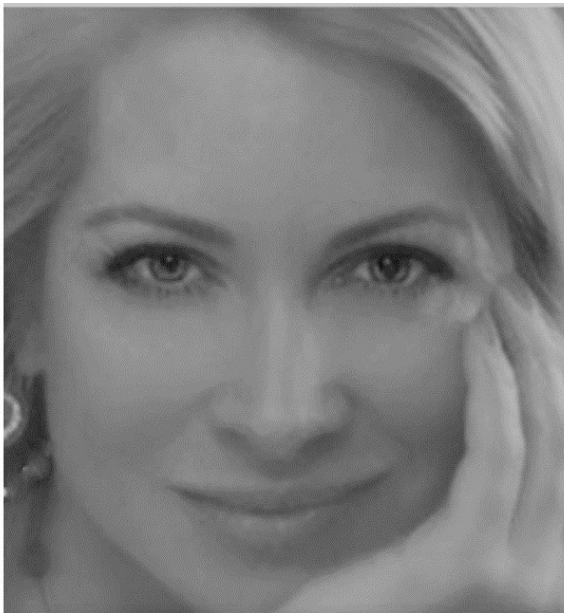
Пятна Роршаха Люся и Потапов

Лана Петровских

© Лана Петровских, 2019

ISBN 978-5-4496-1947-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По образованию и призванию семейный психолог,
сценарист.

Автор серии рассказов о любви:

«Равняется Любовь», «Девичий роман»,
«Любовный детектив», «Затеряться в любви»,
«Часов не наблюдают», «Начало»,
«Высокоблагородие».

Вашему вниманию предлагается
новый детектив «Пятна Роршаха».

...С вами рядом притворщик, не умеющий
спереживать вашим проблемам. Кто он – черствый
человек или психопат? Где тонкая грань между нормой
и патологией? Кто подскажет?

Прочитанное нашепчет ответ на волнующий вопрос.

...

Сознание причудливым образом выхватывает из памяти
те мгновения жизни, которые крепко запрятаны, но о кото-
рых не получается забыть. Игры судьбы, где была включена
беда, нисколько не меркнут ни спустя год, ни спустя десяти-
летия.

То солнечное утро в каждом моем сне насыщается по-
дробностями, которых, возможно, и не было. Но боль той
потери не уходит из памяти.

Мне тридцать лет. Мои первые десять лет самые счастли-
вые. А потом (после того горького дня на озере) последую-
щие несколько лет долгая мучительная реабилитация с вос-
становлением речи и желанием жить. Благодаря моим пер-
вым пятилеткам, проведенным в окружении любви и заботы,
я выбралась из той бездны несуществования, избрав земной
мир и любимую сестру Олю, возраст которой к моменту лет-
ней трагедии в нашей семье уже определился совершенно-

летием.

В общем, начну. С некоторыми отступлениями в мои комментарии, где моя философия на грани легкой истерии будет увязывать рассказанные мной эпизоды между собой.

Кто знает, не было бы в моей голове после черепно-мозговой травмы тех искорок легкого сумасшествия, я не смогла бы поймать ЕГО. Хотя это тоже спорный вопрос – кто кого чуть не поймал. Но ЕГО описательный портрет у меня был раньше, чем у следственной группы.

Начнем...

– Какая ты у меня смешная сейчас, когда твои кудряшки намокают, то закручиваются сильнее, доченька ты моя милая. Как сегодня ещё тепло, – женщина с любовью смотрела на десятилетнюю улыбающуюся девчушку, мирно сидящую напротив в лодке.

– Волны... Смотри, Люся, в нашем озере почти не бывает волн, а сейчас... – женщина рассмеялась и, наклонившись через борт старой деревянной лодки, слегка зачерпнула прохладные капли и брызнула ими в девочку, которая задорно взвизгнула в ответ. Крупные капли сияющими на солнце родинками засверкали в её ярко-рыжих кудрявых волосах.

– Знаешь, – женщина перешла на шёпот. – Мне ещё бабушка наша рассказывала, царство ей небесное, – женщина быстро перекрестилась. – Легенду о нашем озере...

– Мам, а там водяные есть? – несмело спросила Люся. –

Мне страшно, вдруг сейчас из воды водяной вылезет.

– Что ты. Водяных не будет... Всего-навсего, милая и одинокая русалочка с прозрачными волосами цвета утреннего тумана. Про наше Тиглицкое озеро старики рассказывали, что в незапамятные времена на берегу было древнее поселение под странным названием – Круп. Так вот, в том поселении жила самая красивая девушка. Она каждую ночь приходила на берег и плакала о своей несчастной любви. Однажды ее горькие слёзы превратились в бурный поток, который поглотил девушку, превратив в русалочку. Тихими вечерами она выплывает и садится вон на тот камень, – женщина показала рукой на выделяющийся из воды круглый островок. – Грустная песня плывёт по воде, и появляются волны, которые раскачиваются в такт мелодичному голосу русалочки. Волны не стихают, бывает, и целый день, будто озеро ещё слышит ночную мелодию и продолжает танцевать, вот как сейчас, посмотри за борт.

– А почему русалочка одинокая, где её семья? – тихо спросила Люся.

Женщина печально посмотрела на сиротливый камень, будто ждала появления сказки.

– Не знаю, наверное, став русалочкой, она должна жить в отдалении от своих земных родителей.

– Я бы ни за что на свете не хотела бы жить от тебя в отдалении, – пробормотала девочка.

– А я тебе и не позволю, – рассмеялась женщина и, взяв-

шлись обеими руками за борта лодки, начала раскачивать ее из стороны в сторону. Люся, ухватившись за край скамейки, засмеялась, запрокинув голову к мирно плывущим облакам.

– Еще, мам! Еще! Аттракцион!

Девочка, оттолкнувшись от скамейки, внезапно порывисто встала на дно лодки, раскинула руки в стороны для равновесия и зажмурила глаза. Лодка качалась на воде, касаясь бортами темной воды озера.

Люся распахнула глаза и мгновенно зажмурилась от внезапного ужаса – прямо перед ее носом зависла огромная стрекоза. Её крылья переливались от солнечных бликов, отраженных поверхностью воды. Девочке показалось, что она увидела своё отражение в изумрудных глазах непрошеной гостьи.

Импульсивно отталкивая воздух перед собой, она пыталась отклонить полет стрекозы. А раскачанная лодка от резких движений девочки сильно накренилась и зачерпнула бортом озерную воду.

Нелепые движения, неуправляемое тело... – девочка падает за борт. Последнее, что она увидела, погружаясь в воду, как мама резко вскочила, протягивая к ней руки. Вода где-то наверху сомкнулась, и что-то тяжелое скользнуло больно по голове... Стало темно и холодно.

От внезапной потери одной ноши облегченная лодка резко опрокинулась в противоположную сторону. Женщина, вскрикнув, упала за другой борт.

Лодка, со стоном перевернувшись, уключиной ударила женщину по голове. В ускользящем от боли сознании то единственное, что успела заметить она – только прозрачную вереницу меркнущих пузырьков воздуха, стремительно уплывающих вверх...

Так я навсегда потеряла маму. Своего падение я не помню, только резкий холод и дрожащее состояние от напряжения.

Я неизменно просыпаюсь на этом месте от собственного крика. Влажный лоб, липкий пот которого неприятно холодит голову. Кожа от рассыпавшихся мурашек превращается в шершавый апельсиновый слой. На мой вопль прибегает Оля:

– Люсечка, хорошая моя, тише, тише, все хорошо... Опять тонула? Опять твой сон? Тише, тише. Давай вытянем ножки, подыши... спокойно... молодец... Сестренка ты моя милая. Все хорошо... Давай выпьем наше замечательное успокоительное, которое нам доктор прописывает, где оно?

Она всегда со мной как с малышом, но мне это нравится, она для меня вторая мама. Мы с Мишкой так и зовём Олю – «наша мама».

– Всё у нас хорошо, – повторяет Оля. – Посмотри, как солнечно за окном. – Я уже блинчики допекаю.

Мишка сидел за столом, ерзая от нетерпения, и макал палец в банку с вареньем.

– Что ты делаешь? – с улыбкой спрашивает Оля. – В пять лет облизывать пальцы куда ни шло, но в десять...

На сковородке золотистая вкуснятина пытается оторваться краями от огненной поверхности.

– Последний блинчик, как обычно, маме, – поджав губы, Оля смотрит на меня. Ее грусть проникает внутрь, мне вновь становится зябко.

– Сходим на кладбище и оставим блинчик там... – тихо произносит Оля, отворачивая лицо. Она прячет влажные глаза.

При слове «кладбище» я не испытываю панических эмоций, ритуальных ассоциаций. Мне там спокойно и безмятежно. Мир без суеты. Я часто брала этюдник и рисовала космические пути и бесконечность, но никогда не могла нарисовать мамино лицо, хотя окончила с отличием факультет живописи. Мои тщетные попытки заканчивались судорогами пальцев...

...

Сонные, пригретые солнышком воробьи вяло взлетели, растревоженные хлопком двери.

– Надо же, как тепло. Не верится, что скоро осень, – сказала я, разглядывая небо через растопыренные пальцы.

– Сколько раз прихожу на кладбище, уже все фамилии вдоль тропинки знаю наизусть, и, тем не менее, всегда грустно... всех жалко, – голос Оли дрожал.

Пробираясь по узким тропинкам между оградами, она, поглаживая прутья, будто соболезнает всем здесь почившим. Внезапно ржавый скол на чужой ограде вонзается в ее ладонь.

– С-сс-sss... ой... Будто копьё... как сильно, – Оля присела от неожиданной боли. Я, судорожно обыскивая свои карманы, ищу платок. Перетянув ладонь сестры, невзначай ляпаю.

– Кровь проливается, что-то с родней случается...

А потом мы сидим на скамеечке, прижавшись друг к другу.

– Почти двадцать лет нет мамы, а до сих пор ком в горле, – тихо произносит Оля. – Как тебе удалось выплыть тогда? Ты все твердила, что бабушка помогла, но она за год до трагедии умерла... Никто не верил, что поправишься... А ты выжила! Вот только сон остался...

– Да... Я часто русалочку из легенды вспоминаю... одинокую и несчастную, как мы с тобой...

– Да почему это мы с тобой несчастные? Ты выросла, Мишка у нас есть, а то, что мужчины не приживаются в на-

шей семье – это не беда. А про русалочку одинокую забудь. Я тоже о ней часто думала да на озеро ходила, вот потому и накликала любовь неразделенную, а тебе пора свою жизнь устраивать, засиделась ты в девках, надо тебя к крестной в Москву!

Да. Мужчины не приживались в нашей семье. Не то чтобы женщины пугали матриархатом, но сильный пол как-то исчезал, чувствуя себя гостем на нашем празднике жизни. Дедушка умер, когда еще не родилась Оля. Отец уехал в далекую Сибирь непонятно за каким счастьем и больше не вернулся. Я его не помню. Избранник Оли был не свободен. Тянуть на себя чужое лоскутное одеяло она не стала, а тихо удалилась. Надеюсь, Мишка будет первым настоящим мужским началом в нашей семье Синицыных.

– Пора тебя в Москву отправлять, – повторила сестра.

– Не хочу в Москву, вот чего придумала!

– А я верю в твое будущее вне стен нашего дома.

– Оль, может, ты не поедешь никуда, еще весной будет семинар повышения твоей квалификации.

– Чего ты? Сейчас самое удобное время, до первого сентября две недели, а весной... самое простудное время... Вы не успеете соскучиться, как я уже вернусь.

Начиная поскуливать, я лащусь о ее плечо.

– Не подлизывайся, не поможет. Ты сегодня прямо сама

не своя, где твое солнечное настроение? Сон опять нашептал?

Как объяснить сестре, что мой сон не просто повторился, а модифицировался. Но ГМО может принести меньше вреда, чем мои слова... И всё же я сказала...

– В этот раз в лодке со мной была... **ты** вместо мамы...

Отмахнувшись, Оля начинает поднимать меня со скамейки посредством детской игры «тянем-потянем»:

– Ерунда! Резко проснувшись, человек не помнит деталей сна. Утром ты увидела меня – вот и всё объяснение. Пойдем-ка домой пить чай.

Мишка уютно спал, и мы уединились на кухне.

– Мне что-то не хочется чаю. Может, винца? Маму помянем...

Поднявшись на носочки, Оля изящно вытянулась в струночку и открыла дверцу верхнего шкафчика.

– Как балерина на пуантах... еще чуть-чуть, и достану... Эх, рука моя перебинтованная...

Подталкивая пальцами раненой кисти бутылку к краю, Оля неожиданно оступилась, и темная емкость соскользнула с полки, завершив свой недолгий полет брызгами зеленого стекла. Вишневое пятно медленно расползлось по кафельному полу. Поджав испачканную каплями вина ногу, Оля виновато улыбнулась:

– Прости... Ты чего побледнела, Люсик?

Я молчала, судорожно проглатывая несчастье, которое багряным пятном закрыло пространство.

...Капли сползали по ее ноге, превращаясь в кровь...

...

Пробудившиеся лучи солнца, не торопясь, обнимают спящий дом. Кутаясь в желтую ветровку, подросток слегка натянул убегающий поводок, и мордочка собаки от внезапной остановки попала в солнечный промежуток между высокими тенями широких печных труб на крыше. Зажмурился от яркой вспышки глаза-бусинки, собака замерла на полушаге, с явным удовольствием впитывая взошедшее солнце.

Утренний луч широким мазком нарисовал на линолеуме притягательную полосу. Оля поставила голую ступню на теплую поверхность и тоже зажмурила глаза от удовольствия, как та милая собачка перед подъездом.

Недолго постояв, Оля посмотрела на часы, кивнула широкому согревающему лучу и осторожно выбралась из нашей квартиры. Она выпорхнула из подъезда, будто подхваченная цветными крылышками своей сумки-бабочки, и поспешила на вокзал.

Третий комковатый, сырой и бесформенный комочек последовал в мусорное ведро. Безнадёжно вздохнув, я присела на край табуретки.

– Тетя Люся, может, сегодня бутерброды? – миролюбиво произнес Мишка, шаркая ногами под табуретом.

– Похоже... Кто-то очень оптимистичный сказал: «Если и четвертый блин комом, бросьте печь блины – пеките комочки»... Но мы будем есть бутерброды! А потом в парк, лады?

Мишка радостно закивал и полез в холодильник за батончиком розовой колбасы.

Городской сквер, уютно расположившись между двумя небольшими речушками, укрывал посетителей от жаркого августовского солнца. Набегавшись от одной модели самолета к другой, Мишка раскраснелся от суеты и удовольствия. И чтобы охладить его румяное личико я предложила «Колесо обозрения».

Мягко покачиваясь в закрытой кабинке, мы будто парили и с высоты птичьего полета рассматривали привычные картинки города, с которыми сама собой происходила метаморфоза. Пространство менялось. Оно расширялось там, где с тротуара казалось узким, оно выросло ввысь там, где в приземленном рассмотрении виделось полное отсутствие перспективы.

Мишка, поддерживая высокую отметку на шкале настроения, не сидел спокойно, а махал кому-то воображаемому через стекло нашего временного домика. Внезапно мимо окна пролетела большая ворона, демонстрируя красивый размах

крыльев.

– Смотри, она на чёрного орла похожа! – зачарованно произнес Мишка. И неожиданно замер, переключив свое внимание на меня.

– Зачем ты мамин шарф одела?

– Надевают одежду, одевают Надежду, – машинально произнесла я. – Я так соскучилась по нашей маме, что захотела надеть ее шарфик... ты не против?

Грустная нотка чуть остудила его активное настроение, и он присел, глубоко вздохнув. Сняв с шеи жёлтую невесомость, я прижалась к его плечу и бережно обернула нас шарфом Оли.

– Представь, что наша мама сейчас нас обнимает.

Далее был аттракцион «Ветерок» – карусель на длинных крепких цепях. Я, раскинув руки, пыталась слиться с восходящим движением нарастающего потока. И в этот счастливый миг невесомости с моей шеи сорвался желтый шарф и унесся яркой змейкой в неизвестность. Проводив испуганным и встревоженным взглядом ускользающий штрих, я зажмурила глаза, чувствуя на щеках стягивающую силу солёных брызг. Неприятное чувство внезапной потери вдруг овладело моим сердцем.

...

Ночь закрыла пространство, сжав его до размера вытянутой руки, до шаговой доступности рассматриваемого. Черные пятна туч давили сверху и снизу, отражаясь в лужах на разбитом асфальте. Я бежала вдоль стальных ангаров, подгоняемая гнетущим страхом. Он словно дышал в мой затылок, отчего кончики ушей замерзли, теряя чувствительность.

Уже не было тех стремительных сил, когда надежда окрыляет и вселяет уверенность, что спасение близко. Спасения не было.

За последним гаражом, зацепившись за вспененный корень лежащего дерева, я упала, успев выставить руки вперед. Упала прямо перед лужей, чья коричнево-серая слякоть отразила склонившиеся ветви дерева. Всматриваясь в отражение, почти не дыша, я различила еле видимую картинку, которая от попадания моих волос в воду, пошла рябью. Из глубины темной лужи проявилось Олино лицо с глубокими глазницами...

С приглушенным криком я села на кровати, встряхнув головой, еще не понимая – сон это или явь. Конечно, сон. Я сижу в своей комнате в спящей тишине.

Но это не мой сон. Не было озера и солнечного дня. Грязная лужа и ночная жуть. Я не сразу вспомнила, что испугало меня. Лицо Оли... Видимо, моё одиночество придумало новую версию ночного кошмара, как хорошо, что завтра я

смогу обнять ее. Хочу скорее завтра...

...

Вылизанные тарелки стояли в раковине, когда сытое спокойствие квартиры нарушил звук дверного звонка. Я наперегонки с Мишкой радостно выбежала в прихожую, мысленно готовя жаркие объятия. Но на пороге стоял участковый. Его синяя форма отозвалась в моей душе неприятным холодком. Полицейский, раскрыв удостоверение, тихо спросил:

– Сеницына?

На мой неуверенный кивок он попросил предъявить соответствующий личности документ. Просмотрев паспорт, участковый настоятельно попросил пройти с ним в отделение.

– А что случилось? – я чувствовала, как начинают дрожать руки, а область солнечного сплетения наполнялась тяжестью.

Не отвечая на вопрос, участковый уточнил, с кем можно оставить мальчика.

– Я сам могу остаться, – тут же среагировал Миша, с удивлением поглядывая то на полицейского, то на меня.

Выбежав из прихожей, в комнате я судорожно сунула таблетку под язык. Успокоительная капсула горьковатым оттенком обволокла нёбо.

Дорога до ближайшего отделения показалась мне нескон-

чаемой. Все попытки получить хоть какой-то вразумительный ответ не принесли результата.

В кабинете мне предложили присесть, и второй полицейский протянул лист документа. Еще не зная содержание, я почувствовала край пропасти. Ноги будто соскальзывали в нее, и от неминуемого падения увлажнились глаза. Немного поморгав слипающимися ресницами, я прочитала.

«**Расследование со смертельным исходом несчастного случая**, происшедшего «16» августа 2014 г. в 21 час. 34 мин.

проведено Занковским В. О. – капитаном полиции

1. Сведения о пострадавшем:

Синицына Ольга Игоревна пол – женский

2. Характеристика места (объекта): лесопарк __округа по г. Москве

3. Обстоятельства:

Гр. Синицына О. И. была найдена на территории городского лесопарка, **скончалась** от полученной травмы путём проникновения инородного тела. Находясь в состоянии алкогольного опьянения (0,16 промилле) упала на арматуру (металлический прут, используемый для армирования изделий из бетона), торчащую из куска бетона».

Сухие запротоколированные слова резаными штрихами входили в моё сознание. Голос участкового, выплывающий

откуда-то издалека, казался совершенно незнакомым. Он что-то говорил о соболезновании, о сложности момента, выкладывая на столе фотографии.

– Это ваша сестра?

Опуская на стол мутный взгляд, я неопределенно пожала плечами, чувствуя, что где-то внутри, закручиваясь спиралью, нарастает пугающий звон. Второй полицейский профессиональным чутьем поймал моё падающее в бессознательную пустоту тело.

Я очнулась от едкого запаха нашатыря, уже сидя на уличной лавочке. Заботливый участковый стоял рядом.

– Может, позвонить кому-то, чтобы пришли за вами?

Не чувствуя движений собственных губ, я прошептала:

– У нас нет никого...

В моем шепоте только наречие, местоимения, предлоги – ни одного глагола, полное бездействие и пустота. Горячие слезы внезапно обожгли мои глаза. Закрыв руками лицо, я пыталась спрятаться от внезапного горя, скорчившись до размеров плоской бактерии, желая уменьшить свои физические размеры, чтобы понизить рвущие на части децибелы боли, которые пронзали каждую клеточку моего рыдающего тела.

– Побывать с вами?

Не получив ответа, участковый, уходя, произнес:

– Вас пацан дома ждет!

Его слова, обретшие острый смысл, будто криком отозвались в сознании. Вскочив, я тут же села на место, не чувствуя опоры под ногами, не зная, не понимая, как можно сказать мальчику, какими словами можно объяснить ему потерю смысла нашей жизни и будущего.

В кармане завибрировал телефон. Вырываясь из пальцев, своим возмущением он заставил вдруг поверить в невозможное. Не глядя на дисплей, я прокричала в трубку:

– Оля!

На доли секунды меня обдало волной ускользящей надежды, но услышав в ответ приглушенный голос крестной, я сильно зажмурилась и перестала дышать, будто готовилась к быстрому погружению. Сердце ухнуло с невероятной высоты и замерло, не долетев до необходимой опоры, точно повисло между мирами комкообразной болью. Облачное глухое состояние обволокло моё существо, спрятав чувства в белую пухлость ваты.

– Алло, Люсенька, это тётя Вера... не слышно... Разбудила я тебя, что ли? Прости... я хотела спросить, Оля-то добралась? Она школьную форму для Мишки у меня оставила... забыла, что ли? Не могу дозвониться ей...

От внезапно обрушившегося горя мои чувства непостижимым образом исчезли, словно провалились куда-то. Не слыша своего голоса, я хладнокровно отчеканила:

– Оли больше нет, несчастный случай.

– Что ты?! Девонька моя... господи... что ж такое? Под

электричку, что ли, попала? Ой, дороги эти страшные, – упавший голос крестной казался тягучим и чужим. – Люсьенка, родная моя... Я прямо сейчас на вокзал, днем буду у вас. А Мишке... не говори ничего... задержалась, мол, мамка... господи, несчастье-то какое...

Я не помню, как добралась домой, я не помню, как приехала крестная. День сменялся днем. Суета тети Веры, собирающей необходимые вещи после похорон, малознакомые люди с печальными лицами, бродившие по дому, разложенные стопочки полотенец, постельного белья, корзина с яблоками, банки с компотами – все смешивалось в пространстве и совершенно не привлекало моего внимания.

В каком-то странном забытии прошло несколько дней. Моё следующее утро начиналось с неяркого света, который проникал через окно и неплотные шторы. Я не могла понять, спала я или просто лежала, отгородившись от мира закрытыми глазами.

Сегодня откуда-то из глубины я вдруг почувствовала колкое онемение в области бедра. Телесное ощущение нарастало, и через несколько секунд чувство жжения определенно сжимало бедро. Это реальная боль неловким приемом возвращала в реальность.

Я попыталась привстать на локтях. От увиденного моё сердце резко сжалось. Я порывисто глубоко вздохнула и вдруг почувствовала, как сердечный комочек вырвался

из ватного облака и полетел вниз стремительно, где через доли секунды обрел потерянную опору. Слезы больно обожгли кожу. Я осторожно прилегла вновь на спину, стараясь сдерживать рыдающую лихорадку, чтобы не разбудить спящего на моей ноге Мишку.

«Как я могла забыть, почти предать его, бросив малыша один на один с горем потери!»

Внутренние гневные обвинения самой себе моментально отрезвили от летаргического забытья собственных переживаний. Бережно коснувшись его взъерошенных волос, я твёрдо приняла решение. «Надо в Москву!»

Не успев объявить о переезде, я благодарно обрадовалась словам крестной, которая, видимо, долго готовилась, чтобы начать подобный разговор.

– Я здесь все время думала и... решила... Только ты сразу не воспринимай в штыки... горе страшное... но вам – Мише и тебе – надо дальше жить... вот, что... Я забираю вас в Москву... Уже и с мужем поговорила... Он не против... соберем вещи... квартиру сдашь на время, у вас в центре города, кто-нибудь да согласится, а сами со мной... Мишу в школу определим. И не возражай! В Москве работу найдешь. В тесноте, да не в обиде... да и место поменять надо... здесь каждый клочочек будет напоминать, а жить надо... Сколько жалельщиков пустых найдется, только рану будут беречь... Вот мой сказ, дорогие вы мои детки!

...

Москва всегда многообразная и всегда узнаваемая, как в разное время года, так и в разное время суток. Вереницы изогнутых поездов с высоты пешеходного моста казались огромными удавами, заглатывающими муравьиных людей.

Многоликая вокзальная масса с чемоданами, корзинами, тюками перемещалась в хаотичной осторожности приезжих. Через минуту, свернув за угол величественного вокзала, взгляд ударяется о вертикальную красоту сталинской высотки. Запрокинув голову к небу, дальноторкие начинают высматривать огромную звезду, обрамленную колосьями пшеницы. Будто лавровый венок, как символ народа – победителя.

Через два часа мы прибыли на окраину столицы, улица Северная, где находилось обветшалое общежитие крестной Веры.

Малыш, с трудом прокручивая несмазанные педали, продвигался по длинному коридору на трехколесном велосипеде. Проезжая мимо неухоженного мужчины в майке, малыш приветливо кивнул и покатил дальше мимо бездверного пролета огромной общественной кухни, где в суете и предвзятости сновали уставшие от трудового дня женщины в аляповатых халатах.

Две комнаты крестной за одной общей дверью слегка отгораживали нас от быта общежитской коммуны.

– Я с девочками в одной комнате, – щебетала крестная, – ты с Мишей в другой. Муж часто в рейсах, он у меня молчун, лишних вопросов не будет.

Опекаемая Олей во всех вопросах быта, я не предполагала, как сложно сделать выбор, как понять правильность выбранного решения. Теперь я не просто знакомилась с квитанциями об оплате коммунальных услуг, но и собирала целое собрание сочинений для перевода ребенка в московскую школу, а оформление опекуинства напоминало... «Войну и мир» Толстого – по количеству бумаг, заверенных копий и беспросветного отчаяния.

– В ближайших школах, – говорила крестная, – зарплата маленькая. Тебе надо ближе к центру. В конце концов, Мишу я могу оставить у себя, неделю учиться, а выходные с тобой...

Услышав слова крестной, Мишка втянул голову в плечи, боясь повернуться от окна.

– Спасибо, крестная... но мы не расстанемся, мы будем вместе, правда, Миш?

Расслабив плечи, он кивнул, не отрываясь от картинки за вечерним окном, которая вдруг задрожала мутным миражом от брызнувших слез.

– А про школу мне и Оля говорила... и про Москву тоже, – пряча влажные глаза, произнесла я.

– Сейчас важно – спокойствие. Вспомни про Карлсона, главное – спокойствие. Хочешь не хочешь, жизнь надо стро-

ить. Планируй свой день по мелочам. Вот завтра – что у тебя по плану?

– Хочу заехать в ОВД к следователю, который рассматривал дело о несчастном случае.

Здание Центрального ОВД находилось во дворе среди жилых домов, двух школ, больницы и лесопарка.

Полнолицый, лысоватый, с мелкими чертами лица, в сером костюме следователь важно расхаживал по кабинету, не обращая внимания на меня, зависшую у порога посетительницу с яркой сумкой в этномотивном стиле. Крохотный мобильный телефон ёрзал по его округлой щеке, забавно напоминая электрическую бритву. Закончив монологическую речь, он сел за стол и, не поднимая взгляда, с металлическим оттенком в голосе произнес в мой адрес:

– Что у вас?

Пробежав узкими от недоверия глазками документ, следователь внимательно осмотрел последний лист. Увидев свою подпись, он приподнял прямые брови и указал жестом на стул.

Присев на краешек, я слегка перевела дыхание, мысленно успокаивая сердце частить пореже.

– Я хотела бы написать заявление, чтобы дело моей сестры пересмотрели... я уверена, это не несчастный случай...

Следователь, пролистав снова, вернулся в начало, потом в конец акта, вторично удостоверяясь, что сей документ под-

писал именно он и говорить все-таки придётся, но продолжал тянуть паузу.

– Дело в том, что Оля, моя старшая сестра, приехала в Москву на семинар повышения квалификации. Парк, в котором нашли... сестру, – я изо всех сил старалась отключить наплывающие чувства. – Парк находится совсем не по пути... крестная живет в другой стороне города... Может, ее кто-то заманил в парк? Может, коллеги...

Я поперхнулась, уловив еле видимое движение его рук, и замолчала. Голос следователя неприятно прозвучал в долгой напряженной тишине.

– Все опрошены. Всё подписано, согласовано. А что было на уме у погибшей, следствие такой ерундой не занимается. Нет смысла продолжать разговор, – он встал из-за стола и, чуть наклонившись, положил акт на край стола передо мной.

– Подождите! – вскочив с места, неожиданно громко произнесла я. – Почему вы не хотите рассмотреть другую версию... это совсем не похоже на несчастный случай...

Порывисто взяв листы документа со стола, близоруко уткнувшись в бумагу, он начал раздраженно зачитывать вслух.

– «Потерпевшая по итогам экспертизы находилась в состоянии алкогольного опьянения... Падение произошло с высоты роста потерпевшей, лицом вниз...»

Оторвав взгляд от шрифта, он сухо добавил:

– Шла, темно... Оступилась, упала... За то, что в неполо-

женном месте валялся кусок бетона с торчащей арматурой, виновные наказаны... что еще?

– Не могла моя сестра находиться в опьяненном состоянии...

– Подпись на документе ваша? Ваша! Вы подписали, что ознакомлены с несчастным случаем, подписали, значит – согласны. Можете быть свободны!

– Вы обязаны разобраться еще раз. Я... я пойду к вашему начальству...

– Да ваше право.

Тыкаясь от одной двери кабинета к другой, мне удалось найти обладателя второй подписи на документе, чья компетенция не вызывала сомнения в силу указанного звания.

Обладатель государственной власти коротко объяснил незнающей гражданке, то есть мне, что права непосредственно отстаиваются в кабинете капитана Занковского.

– Гражданка Синицына, я в доступной форме объяснил вам, что дело закрыто! А если вы не можете смириться, это не повод отвлекать всех от важной работы.

На письменном столе капитана, с краю, появилась высокая чашка с дымящимся напитком. Аромат бодрящего кофе приятно плыл по кабинету. Занковский сидел за столом и минуту назад предвкушал насладиться обжигающим напитком. Сумятицу в наслаждение привнесла непрошенная

Синицына, чье появление у начальства неприятным осадком портило этот день.

– Была организована доследственная проверка, по результатам которой было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления!

Поглядывая на чашку, капитан звучно крушил нотами голоса атмосферу равноправия.

– Я могу рассмотреть единственную версию, – язвительная полуулыбка облизнула его тонкие губы. – Что ваша сестра сама решила свести счеты с жизнью в такой форме, чтобы привлечь внимание к своей персоне. А не было ли у вашей сестры психического расстройства? Проверяли только по столичным диспансерам. Может, в вашем городе сестра была пациенткой такого заведения?

Моргая глазами от возмущения, я не успевала бежать за резкими мыслями капитана, облаченными в чудовищные фразы.

– И если вы, гражданка Синицына, будете продолжать ходить и мешать органам власти, то я начну рассматривать дело совершенно в другом ключе. А именно, а не было ли у вас умысла довести сестру до самоубийства? И потребую психиатрическую экспертизу на ваш счет.

Непроизвольным мышечным движением я стиснула свою сумку, где в дальнем кармашке, в темноте моей тайны, хранились таблетки, как следствие работы невропатологов

и психиатров того долгого реабилитационного периода моего детства.

– В деле вполне уместно указать 110 статью, – безжалостно наступал следователь. – Доведение до самоубийства, и тогда у вас не будет возможности строчить жалобы!

Мне захотелось спрятаться, как в те первые минуты болезненной потери, но внутренний протест против его лжи и нежная ответственность за Мишку придавали силы.

– Как вы можете так говорить?! Когда погибла наша мама, Оля не отдала меня в детский дом, а заменила мне маму, она самый дорогой человек для меня... Вы ничего не знаете! Не желаете понять! У нее остался десятилетний сынишка...

– Вот теперь вы замените ему мать, – цинично произнес капитан.

– Вы... вы просто бездушный лицемерный человек! Как можно...

Внезапно моя сумка то ли от внутреннего напряжения моего возмущенного тела, то ли как знак, что пора остановить удушающий разговор, перевесилась вперед и, зависнув над столом, опрокинула чашку с кофе. Жидкость мгновенно растеклась по чистому столу, капитан едва успел вскочить с места. Но капли достигли незапланированной цели и в некоторых местах поглотили серый цвет ткани его брюк. Только лаковые ботинки, с презрением подняв носы, остались безукоризненно чисты. Но капитан, тем не менее, как фокусник, выхватил из кармана носовой платок и ревностно про-

тер драгоценную пару обуви.

– Пшшш-ла отсюда.

Шипение вынесло меня из кабинета, будто волной.

Безысходность – это край пропасти, когда остатки твердой почвы рассыпаются под ногами, когда проваливаешься в липкий страх безнадежности...

Я сидела в коридоре, не чувствуя пространства вокруг...

– У меня сегодня счастливый день, если бы не майор Потапов, здесь работает. ...Ведь никто не верил, что муж меня избивал. Научился бить так, что синяков не было, ой, если бы не майор... я бы здесь не сидела. Он один поверил мне. А как мы моего мужа с поличным брали, как в кино... Вот последнюю справку принесла, муж уже в изоляторе, домой без страха иду, даже непривычно...

Незнакомый голос внезапно остановил мою ускользающую поверхность. Совсем близко вполоборота сидела женщина и говорила о чуде, которое с ней произошло.

«Майор Потапов», – слабо прошептали мои губы. «Майор Потапов»...

– И правильно, – созвучно моим мыслям повторила крестная. – Всегда надо искать выход! Ты подготовься, Люсенька, и, не откладывая, иди на прием к этому самому Потапову, а вдруг он человечный, не то что капитан Занковский.

Как фамилия не по праву принадлежит человеку. У одного звонкая, и предполагаешь, что и человек чистый, как музыка, а у другого, как услышишь, то лесоповал да мишки косолапые представляются. Иди, иди, милая, к этому Потапову... Только начинай сразу с фактов, милиционеры, тьфу, полицейские признают факты, эмоции в сторону убери. Тебе надо рассказать, что сестра – серьезная, спокойная, что она вырастила тебя...

Человек часто привязывает свои надежды к явлениям природы. Кто любит дождь, тот верит, что дорога будет удачной, кто-то, видя радугу, загадывает желание, которое непременно сбывается. Я любила солнце, как миллионы. И загадала, ложась спать, если утро будет ярким и солнечным, то это знак, который поможет распутать клубок невероятных вопросов, начиная с гибели сестры до предопределения будущего Людмилы Игоревны Синицыной.

Бодрящий звук будильника на телефоне я выключила заранее. Легко поднявшись, я старалась не шуметь. И с любимой сумкой осторожно выбралась из спящего общежития. Распахнув подъездную дверь, я зажмурилась от яркой вспышки. Солнечные лучи будто поджидали меня и сразу накнулись своей теплотой и лучезарностью. Я рассмеялась улыбающемуся солнцу и бодро зашагала к остановке маршрутки.

Достоверно описывать события у меня получается лишь благодаря личному участию, реже по воспоминаниям близких людей, но иные эпизоды можно воспроизвести, только вообразив.

Совершенно не зная детство того человека, о котором далее пойдет речь, я могу домыслить трагический эпизод его жизни, основываясь на анализе реальных событий и выводах экспертов. Эпизод, послуживший пусковым моментом и приведший к трагическим последствиям не только его судьбы.

«...Он бежал вдоль покосившихся домов, чья ветхая древность немым укором стояла на окраине деревни. И летом разбитая проселочная дорога пугала рывтинами да канавами. После дождя глинистая почва проседала под его сапогами, он то и дело скользил, рискуя упасть в жижу. На соседнем недавно отстроенном доме сельсовета в коньке крыши вместо флюгерного петушка парил красный флаг, основополагающе напоминая о советской власти, где пятилетка за три, где пионер – всему пример, где общее – превыше собственнического.

Издавля его можно было принять за комбайнёра, который в свой выходной в нарядной цветастой рубашке торопился на свидание. Но по пробивающемуся пушику над верхней губой досадно была видна ошибка. Ему не больше шестнадцати лет, а внушительная

с первого взгляда внешность обманчиво прятала мальчишку в обличье возмужавшего щеголя.

Подростковые прыщи, низкий лоб, угрюмое выражение лица не по причине настроения, а скорее, по природе замкнутого характера. Его свидание состоялось, подтвержденное добычей, – в одной руке авоська с закрытой стеклянной банкой с живыми бабочками, в другой руке – сачок...».

...

Второй час я сидела напротив кабинета в коридоре отделения полиции Центрального округа. Дверь с табличкой «Потапов Л. Н.» была закрыта. Ожидание не пугало, не расстраивало, не разочаровывало, оно помогало собрать мысли, которые я с усердием отличницы строго выстраивала в ряд, чтобы речь перед следователем звучала достойно, кратко и вразумительно.

Послышался топот и гул голосов с лестницы, мое ожидание вот-вот будет вознаграждено, подумала я, когда двое полицейских ввели в коридор пятерых задержанных. Их быстро рассадили по имеющимся стульям вдоль стены. По природной вежливости я машинально встала и уступила свое место. В конце узкого коридора у одинокого окна я нашла себе новое местоположение.

За окном в глубине внутреннего дворика отделения возле потрепанного «уазика» беседовали двое. Он и она. По лукавому прищуру было заметно нежное расположение женщи-

ны в элегантном костюме в адрес слегка угрюмого мужчины в штатском, который делал вид, что не замечает зондирующего взгляда.

Звонок крестной отвлек моё внимание от интересной пары. Отвернувшись от окна, я заговорщически прошептала, что еще ожидаю и не уйду без разговора с майором.

По коридору, раскручивая связку ключей на пальце, шел молодой мужчина. Когда он уверенным жестом стал открывать замок кабинета Потапова, я, не скрывая удивления, просипела в трубку:

– Мне, кажется, он пришел. Он в пиджаке и... в джинсах... молодой как-то очень... А сколько лет может быть майору?

– Да все они сейчас молодые, да ранние. А в джинсах, значит, не чинуша, по-человечески всё поймет... иди, все должно получиться, с богом... – прошептала в ответ крестная.

Кашлянув для внимания, я появилась в проеме двери и сразу с порога начала тараторить:

– Добрый день, я вас очень прошу, возьмите дело моей сестры, вы можете мне помочь, возьмите под свой контроль.

– Да я, собственно, никаких дел не беру... самостоятельно, пока руководство не прикажет, – дружелюбно ответил мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.